

Яковлева Нина Александровна.
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост... "

В Ленинграде закончила Институт Водного транспорта, вся трудовая деятельность связана с оборонными предприятиями - завод Электросила, НПО "Рубин", НИИ "Прометей".

Мои хобби: вязание, шитьё. Занимаюсь общественной работой в муниципальном совете «Ржевка», защищаю интересы жителей своего дома.

Давно война отгрохотала,

Давно в страде иной страна...

...

Душа, минуя давность лет,

Той горькой памяти оставить

Еще не может и нет-нет

В тот самый заступает след

А. Твардовский

ДАВНО ВОЙНА ОТГРОХОТАЛА...

Мое повествование, мои воспоминания пойдут о военном времени в местах Тверской (на тот момент Великолукской) области.

Эти места: город Западная Двина; В Торопецком районе – деревня Лоховка Грядецкого пос.совета; деревня Ивахново - Понизовского пос.совета; деревня Лукьяново – Грядецкого пос.совета.

В городе Западная Двина я родилась в семье Александра Яковлевича и Антонины Васильевны Яковлевых. Кроме меня были еще два старших брата. Отец работал шофером, мама – на деревообрабатывающем комбинате.

Из рассказа мамы – отец знал почему-то, что **война будет**, ему придется воевать. И он заблаговременно, как случилось, за полгода до начала Великой Отечественной Войны перевез семью на свою родину, в деревню Лоховка в родительский общий дом. Одну из изб дома занимала семья его брата, погибшего в Финскую войну. Невестки, моя мама и тетя Таня, были дружны ранее. Они почти одновременно выходили замуж в этот дом, почти одновременно рожали детей. Все беспрекословно подчинялись домостроевскому укладу моего деда Якова Григорьевича: труд, взаимовыручка, проживание под одной крышей, общий стол, никаких ссор (дед умер в 1935 г.)

Здесь мой родной отец со своей мамой, моей бабушкой, Прасковьей Константиновной

Бабушка Прасковья Константиновна и дедушка по материнской линии Василий Никифорович в молодости были рядчиками-бригадирами по сплаву леса по малым прилегающим рекам, а далее по реке Западная Двина в г.Ригу. Позднее их дети, мои мама и папа, поженились. Может от них у меня любовь к путешествиям, и вся моя трудовая биография была связана с водным транспортом.

Отец оказался прав. Заложенное ранее в этих семьях объединило их, сплотило и помогло выстоять и выдержать все невзгоды войны.

В деревне Ивахново проживала старшая сестра мамы Федора Васильевна с мужем Ильей Ивановичем. У них не было детей, и они нередко забирали кого-нибудь из нас ну хоть ненадолго погостить, пожить.

Когда началась война, мне было 4.5 года. Отца я то ли помню, то ли не помню. Он, как и многие мужчины-односельчане, попал под Ржев.

Об этих чудовищных сражениях и жертвах много написано, а по городу Ржеву теперь идешь как по мемориалу.

Выжил и вернулся оттуда односельчанин Егор Степанович. Лицо его было изуродовано. Такого его полюбила другая невеста.

А от моего отца пришло письмо-треугольник от 22 августа 1941 года, пропитанное нежностью и любовью к жене, детям, беспокойством за них, невозможностью что-то поменять. Сообщал, что служит в "Отдельном батальоне обслуживания станции снабжения, в технической роте"(наверное шофером).

Другое, сохранившееся письмо от отца из-под Сталинграда, написано **23 декабря 1942 года**.

В нем он описывает приснившийся ему сон, будто бы с крыльца дома выносили гробик небольшой, и кто-то сказал, что это Нину несут. Он плакал и был уверен, что в доме не все благополучно. Жива ли Нина.

Жива. А отец в эти дни погиб в решающих сражениях за Сталинград. («В «Книге памяти» - пропал без вести **под Сталинградом в 1942г.**).

Мама-вдова. Ей 33 года.

Сон отца оказался вещим. В силу возраста я не помню событий этих дней, при которых я оказалась в деревне Ивахново у, ставших мне навсегда родными и незабываемыми, мамыши Федоры Васильевны и папочки Ильи Ивановича.

Илья Иванович прихрамывал и не мог служить в действующих войсках. Он в сопровождении двух женщин под обстрелами и бомбежками отгонял колхозный скот за Красный Холм на неоккупированные территории. Все трое вернулись живыми, а позже вернули и скотину.

Наверное, маме было очень трудно тогда. Голодно, холодно, женщин отправляли на земляные работы рыть рвы, окопы. А папочка Илья Иванович помнил о своем обещании, данном свояку Александру Яковлевичу, позаботиться о его детях, если тот не вернется.

Все получилось не временно. Я привязывалась к мамаше и папе и отдалялась от мамы по мере взросления. Попытки ее вернуть меня в тот дом были безуспешными. Я убегала тут же, стоило ей выйти из дома. Это было сущим горем для нее, а я этого не ощущала и не испытывала потребности в общении с нею. Так война нас разлучила на многие годы. Забегая вперед скажу, что со своей матерью мне пришлось прожить 3 года будучи уже пенсионеркой, когда маме было за 80 лет. Спасибо Господу Богу за эти прожитые вместе с мамой годы. Я узнала, какая прекрасная и интересная была у меня мама. За четыре дня до ее кончины мы попросили друг у друга прощения: я за холодность, она за упущение на каком-то этапе. Наши души очистились. И мамаша, и мама – обе скончались на моей правой руке. Они обе мне дороги. Хочется сказать людям: «Не создавайте ситуаций своим детям «одна родила, другая воспитала». Это травма всем навсегда, и с этим трудно жить. И умеете прощать.

Вернусь к военному времени, времени оккупации - это я уже помнила. И как тут не помнить. В дом входили фрицы, требовали яйца, масло, сало. Забирали все. С отца сняли сапоги. Огромного поросенка из хлева завалили живьем в повозку и увезли. Мамаша плакала, один из фрицев выстрелил, но она успела отклониться за косяк дверного проема. Дыра от пули в косяке как память о зверствах и унижениях, которые мы тогда претерпевали. Этими фрицами были **каратели** из отряда, разместившегося в деревне Лукьяново. Жители этой деревни были выселены в нашу деревню и расквартированы по избам. К деревне нашей с одной стороны очень близко подходило Круглое болото. В болоте прятались **партизаны**. В деревне постоянно дежурили каратели. В какие-то моменты кто-то из партизан крадучись подходил к окнам и просил поесть. Была негласная договоренность. Мамаша под платишко ко мне засовывала картошку, сало и чем можно было поделиться, а я бежала к колодцу с ведерком, приседала под березу за колодцем, вытряхивала из-под одежды еду, набирала воды и убегала. **Партизаны контролировали ситуацию в деревне, а немцы-каратели – связь партизан с населением.**

В один из дней дежурные каратели обнаружили партизана, начали стрелять, а тот, отстреливаясь, скрылся бесследно. Он, наверное, не думал о последствиях.

Из Лукьянова на мотоциклах приехало руководство карателей. Целью было выявить партизан. Найти или опознать партизана не удалось. Тогда женщин и детей согнали в одну избу, а всех мужчин выстроили в линейку напротив окон избы. **Я, кажется, и теперь узнала бы этого фрица, приговорившего своим решением всех мужчин расстрелять на глазах женщин и детей, а избу облить бензином и сжечь нас заживо.** В нашей деревне старостой был юноша 16 лет. Рослый, крупный, может, мне так казалось, очень обаятельный Васька- Хлит (прозвище), а так – **Анисимов Василий**, может Михайлович, не помню точно. Ему удалось уговорить это руководство, войти к нему в доверие и отсрочить на два дня смертный приговор, пообещав за это время найти и выдать партизана. В каждом доме остался каратель. Страшно вспоминать. Я сижу у окна, каратель сидит лицом в сторону окна, прислонившись к печке, дремлет, а под окном - другой партизан:"Девочка,...", я невольно напряглась. Наверное, в моих глазах был ужас и смятение, партизан это увидел и увидел карателя и мигом скрылся. Того первого партизана действительно нашли к вечеру в стогу соломы. Его не сдали.

Через день по большаку между г. Андреаполем и г.Торопцем **пошли наши, войска Красной Армии. Коллективная смерть миновала.**

Василий Анисимов спас жизни жителей двух деревень. Это героический поступок, но о нем никто не знает. Со слов взрослых, он был отправлен на передовую, где ему оторвало ногу, а потом вроде он жил в Киеве. В наших краях он не объявлялся, хотя все его помнили.

За пособничество партизанам мирных жителей расстреливали или вешали на деревьях. По дороге между деревнями Яхино и Семенцево на камне лежал убитый подросток, труп его немцы не разрешали убрать и похоронить в назидание другим. В бывшей деревне Позаки висел повешенный на березе мужчина, такое можно вспомнить и по дорогам в другие деревни. В Грядецком сельсовете была сожжена деревня Прошково, а жители, говорили, заживо похоронены в одной могиле.

Всякий раз, когда мне приходилось проходить мимо этих мест подростком и уже взрослой, ноги становились ватными, шаг невольно замедлялся, организм возвращался в пережитое.

Мне трудно в силу возраста припоминать события в хронологическом порядке. Я помню и других немцев. Один меня сажал на колени и кормил сладкой кашей, наверное, у него где-то были свои такие же детки. Другой немец – врач лечил мое золотушное ушко и уговаривал не плакать.

И вот **наши**, сегодня одни, завтра другие, набивалась целая изба. Нам оставалось место только на печке. И я – как в живом кино, воспринимала все происходящее в зазор между печкой и потолком. Военная форма навсегда ассоциируется у меня с защитой, надежностью, дисциплиной. Потом кто-то снимал со стены гитару моего отца, и кто-то начинал петь: «**Темная ночь, только пули свистят по степи ...**». И каждый день новые **наши**, и каждый день эта песня у каждого от своей души, от своего сердца. Я и сейчас не подпеваю эту песню, когда поют в компаниях, а когда слышу ее в исполнении М.Бернеса, наворачиваются слезы. Только бы ее не переделали в современной обработке.

Когда пришли **наши** в дер. Лоховка, мой старший брат Василий прилип к военной технике. Заодно его там и подкармливали, а он – среднего брата. Далее эта часть двигалась в Смоленском направлении. Брату было 15 лет, и он двигался с военными. И средний брат за ними. Не отвязаться было от мальчишек. Василия переодели во взрослую военную форму, а Бориса отправили в деревню к маме. Потом Василию сшили форму по его размеру и зачислили в качестве **сына полка** .

Он стал разведчиком, дошел до Берлина и с наградами, с песней «Ты ждешь, Лизавета...», в 18 лет вернулся живым и, можно сказать, невредимым.

Лизаветы тогда еще не было, а вот с Тоней он немного не дожил до Золотой свадьбы.

Его не стало в 2004 году. Военкомат, как и положено, установил ему памятник, а вот воры не посмотрели на боевые заслуги и украли цветочницу из мрамора. Вот такой местами мерзопакостный мир.

Потом у нас в Ивахнове на окраине был аэродром. Бомбовозы больше не гудели. Прилетали самолеты-стрекозы. Мы очень просили дяденек нас покатать, те обещали, но прилетали другие и тоже только обещали. Потом нашу деревню посетил сам Михаил Михайлович Громов. Вот так, я думала, выглядит настоящий летчик! В домах размещался, как бы я теперь выразилась, высший военный летный состав. Мы рвали полевые цветы и дарили своим освободителям, за что

на красивейших тарелках получали сладости. Эти тарелочки с военной символикой у меня до сих пор хранятся. Я их только бережно протираю, вздыхая от воспоминаний. В доме у нас проживал Михаил Павлович Бабаков – кажется, полковник. Он мне оставил охотничьи лыжи. Я на всех школьных соревнованиях попадала в тройку призеров. В школе просили: "Дай прокатиться",-и конечно ж я никому не отказывала. Позже они были подарены местному обходчику.

В мае 1945г. я заканчивала 1-й класс начальной школы, находившейся в бору на берегу Зимецкого озера в помещении бывшего военного штаба. Однажды мы пришли на занятия, но нас выстроили всех в линейку на улице. Среди учительниц-женщин стоял незнакомый мужчина. Когда подтянулись дети из всех прилегающих деревень, мужчина вышел вперед и объявил: «Дети, закончилась война! Бегите в свои деревни и сообщите об этом всем!» Такого другого спринта я не помню. Каждый хотел влететь в деревню первым и первым объявить: «**Война закончилась! Война закончилась!**» У меня и сейчас слезы. Я помню слезы и вопли женщин, которые уже получили похоронки, которые еще ждали своих не вернувшихся сыновей и мужей.

В нашу деревню вернулись только двое: Егор Семионов с негнущейся ногой в возрасте 22 лет и дядя Ваня, целый и невредимый, он дошел до Берлина. Дома его ждала жена и четверо детей.

Егор стал бригадиром в колхозе, женился на вдове-красавице и воспитывал троих сыновей. Дядя Ваня стал председателем колхоза, затем укрупненного, включавшего три деревни. В тех деревнях была схожая ситуация – одни вдовы. И какие – молодые, красивые, словоохотливые, гостеприимные. Потерялся дядя Ваня среди них. А может надуманная ревность жены и противонастрой детей довели его до того черного дня, когда он свел счеты с жизнью.

PS!

В деревне Ивахново я была последний раз в 1999г. Там никто не проживал. Мосты через речки, построенные во время войны, разрушились. Машины туда не проходили. Безмолвная тишина и непередаваемая красота кругом. Должно

быть, там стоит один дом, потому она не отнесена в разряд нежилых. В этот дом любил приезжать мой брат Василий, чтобы порыбачить на Зимецком озере.

Озеро соединялось рекой с озером Грязным, а Грязное – ручьем с озером Долгим.

Так вот, о Грязном озере папа Илья Иванович мне рассказывал легенду, а может, был, что в нем живет огромное чудище, и иногда оно поднимается на поверхность. Рисовалась жуткая картина каждый раз, когда приходилось перебродить ручей между этими озерами.

Где-то в 80-е годы мой брат опять посетил этот край, на рыбалку ходил каждый день на Зимецкое озеро на берег с названием Плотомой. Иду, говорит, а впереди что-то такое непонятное, как будто куст за ночь вырос. Ну не было здесь куста. И вдруг –взлетает то ли птица, то ли чудище, размах крыльев 6-8 м. И полетело оно через озеро. Может это чудище из озера Бросно, где оно будто бы проживает (это озеро находится под г.Андреаполем), может другое древнее и незнакомое и редко появляющееся.Только случай этот невыдуманный.

В Западную Двину я приезжаю раз в году на Троицу. Там на кладбище покоятся рядом мама, мамаша, папа Илья Иванович.

Еще в школьном возрасте мне снилось, что родной отец, Александр Яковлевич, похоронен в поле под березой. Посещая как-то Пискаревское

кладбище, я наткнулась на могилу под березой, в которой похоронен воин с фамилией Бессмертных. Теперь мне есть куда заходить в память об отце.

А еще на Пискаревском кладбище в братской могиле похоронены моя тетя Фрася и ее сын Коля, умершие в Блокаду.

Мечтаю посетить свой прекрасный озерный край, походить пешком, вспомнить запах цветущей гречихи и жужжание пчел, половить руками раков в речке Завля, набрать кошелку ягод, поплавать в своем озере, как было в детстве.

17.05.2013-26.06.2013